

The Catcher in the Rye

J.D. Salinger

Ловец во ржи

Дж. Д. Сэлинджер

Джером Дэвид Сэлинджер

Ловец во ржи

Серия «Магистраль. Главный тренд»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094854
Ловец во ржи / Джером Дэвид Сэлинджер: Эксмо; Москва; 2023*

Аннотация

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике своей карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся в глухой американской провинции вдали от мирских соблазнов. Он ушел от нас в 2010 году...

Единственный роман Сэлинджера – «Ловец во ржи» – стал переломной вехой в истории мировой литературы. Название книги и имя главного героя Холдена Колфилда сделались кодовыми для многих поколений молодых бунтарей, от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений.

Содержание

1	5
2	13
3	26
4	41
5	53
6	59
7	68
8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джером Дэвид Сэлинджер Ловец во ржи

Маме

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

1

Если вам и вправду охота меня слушать, вам наверно захочется для начала узнать, где я родился и как прошло мое паршивое детство, и чем занимались мои родители и все такое, пока меня не завели, и всю эту дэвид-копперфилдовскую¹ муть, но, по правде говоря, мне не охота в этом копать. Во-первых, обрыдло, а во-вторых, родителей инфаркт хватил бы, по два раза, если бы я рассказал что-нибудь такое личное про них. Они довольно щепетильны в таких вещах, особенно отец. Они *хорошие* и все такое – я ничего не говорю, – но щепетильные до черта. К тому же, я не собираюсь вам рассказывать всю свою дурацкую автобиографию или вроде того. Я просто расскажу про эту безумную хрень, которая случилась со мной незадолго до прошлого Рождества, как раз перед тем, как я совсем расклеился и мне пришлось перебраться сюда, чтобы не напрягаться. То есть, все то, что я рассказывал Д. Б., а он мне *брат* и все такое. Он в Голливуде. Не так уж далеко от этого задрипанного места, и он навещает меня практически каждые выходные. Думает отвезти меня домой, когда я поеду домой, может, в следующем месяце. Он недавно купил “ягуар”. Такую английскую штуч-

¹ Речь идет о романе Чарльза Диккенса “Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим”, основанном на биографии самого автора. *Здесь и далее прим. пер.*

ку, которая делает под двести миль в час. Выложил за нее почти четыре тысячи баксов. У него теперь до черта капусты. Не то что раньше. Раньше он был обычным писателем, когда жил дома. Если вы о нем не слышали, он написал этот зверский сборник рассказов, “Тайная золотая рыбка”. Лучший рассказ – «Тайная золотая рыбка.» Там об этом пацанчике, который никому не показывал свою золотую рыбку, потому что купил ее на свои деньги. Сдохнуть можно. А теперь он в Голливуде, Д. Б., проституткой заделался. Вот уж чего ненавижу, так это кино. Даже не вспоминайте при мне.

С чего я хочу начать, это с того дня, когда я ушел из Пэнси. Пэнси – это частная школа, которая в Эгерстауне, в Пенсильвании. Вы наверно о ней слышали. По крайней мере, рекламу наверно видели. Ее рекламируют чуть не в тысяче журналов, всегда с картинкой такого пижона в седле, прыгающего через забор. Как будто в Пэнси только и делают, что все время в поло играют. Я там во всей округе *ни разу* даже лошади не видел. А под картинкой с этим парнем в седле всегда написано: «С 1888 года мы выковываем из мальчишек великолепных трезвомыслящих юношей.» Как же, как же. В Пэнси *выковывают* кого-то не больше, чем в любой другой школе. И я не знал там ни одного великолепного и трезвомыслящего. Может, двух ребят. С натяжкой. И они наверно уже *пришли* в Пэнси такими.

Короче, было воскресенье, когда наши играли в футбол с Сэксон-холлом. Игра с Сэксон-холлом считалась в Пэнси

очень большим делом. Это была последняя игра в году, и нам полагалось покончить с собой или вроде того, если старушка Пэнси не выиграет. Помню, часа в три пополудни я стоял на самой чертовой вершине Томсен-хилла, рядом с этой долбаной пушкой времен Войны на независимость и все такое. Оттуда было видно все поле, и видно, как две команды гоняют друг друга от края до края. Трибуны было видно не ахти, но слышно, как там все орали со стороны Пэнси, просто зверски, потому что там была практически вся школа, кроме меня, а со стороны Сэксон-холла блеяли как гомики, потому что у приезжей команды всегда маловато народу.

На футбольных матчах почти никогда не увидишь девчонок. Только старшеклассникам разрешалось приводить с собой девчонок. Ужасная школа, с какой стороны ни возьми. Мне нравится бывать там, где хотя бы иногда попадают девчонки, даже если они просто чешут руки или вытирают нос или даже просто хихикают или вроде того. Старушка Сельма Термер – дочка тамошнего директора – довольно часто ходила на футбол, но она слегка не того типажа, чтобы сходить по ней с ума. Хотя вообще хорошая девчонка. Как-то раз я сидел рядом с ней в автобусе от Эгерстауна, и у нас как бы завязался разговор. Мне она понравилась. У нее большой нос и все ногти обкусаны до крови, и лифчик с дурацкой прокладкой, торчащей во все стороны, но ей как-то сочувствуешь. Что мне понравилось в ней, это что она не вешала мне лапшу на уши, какой ее папаша славный малый.

Она наверно знала, какой он пустозвон.

Почему я был на вершине Томсен-хилла, а не со всеми на футболе, это потому, что я недавно вернулся из Нью-Йорка с фехтовальной командой. Я был нафиг капитаном фехтовальной команды. Большое дело. Мы поехали тем утром в Нью-Йорк на это фехтовальное состязание со школой Мак-Берни. Только состязание не состоялось. Я оставил нафиг все рапиры с экипировкой и прочей хренью в подземке. Это не только моя вина. Мне приходилось то и дело вставать, сверяться с картой, чтобы знать, где нам выходить. Так что мы вернулись в Пэнси около двух-тридцати, а не около обеда. Вся команда дулась на меня всю обратную дорогу на поезде. Это было по-своему смешно.

Почему еще я не был внизу на футболе, это потому, что собирался попрощаться со стариком Спенсером, моим учителем истории. Он болел гриппом, и я прикинул, что наверно не увижу его больше до начала рождественских каникул. Он написал мне эту записку, что хочет увидеть меня до того, как я уеду домой. Он знал, что в Пэнси я не вернусь.

Забыл сказать вам об этом. Меня вытурили. Мне не полагалось возвращаться после рождественских каникул на том основании, что я провалил четыре предмета и не проявлял прилежания и все такое. Меня частенько предупреждали, чтобы я начинал проявлять прилежание – особенно перед зимними экзаменами, когда мои родители приезжали на переговоры со старым Термером, – но я ни в какую. Вот, меня

и отчислили. Из Пэнси ребят отчисляют довольно часто. Там очень хороший академический рейтинг, в Пэнси. На самом деле.

Короче, был декабрь и все такое, и я продрог, как ведьмина сиська, да еще на вершине этого дурацкого холма. На мне была только ветровка и ни перчаток, ничего. За неделю до того кто-то украл мое верблюжье пальто прямо у меня из комнаты, прямо с теплыми перчатками в карманах и все такое. В Пэнси полно воря. Довольно много ребят из этих очень богатых семей, но все равно там полно воря. Чем дороже школа, тем больше в ней воря – кроме шуток. Короче, я все стоял рядом с этой долбаной пушкой и глядел на футбол, отмораживая задницу. Только я почти не смотрел на футбол. Зачем я там на самом деле торчал, это чтобы как-то почувствовать, что прощаюсь. То есть, мне случалось оставлять школы и разные места, а я даже не знал, что оставляю их. Ненавижу такое. Неважно, даже если это грустное прощание или гнусное, но, когда я оставляю какое-то место, мне хочется *знать*, что я его оставляю. А когда не знаешь, тебе еще хуже.

Мне повезло. Я неожиданно подумал кое о чем и сразу понял, что к чертям выметаюсь отсюда. Мне вдруг вспомнился тот раз, где-то в октябре, когда мы с Робертом Тичнером и Полом Кэмпбеллом гоняли мяч во дворе учебного корпуса. Хорошие они ребята, особенно Тичнер. Это было перед самым обедом и уже прилично стемнело, но мы все равно мяч

гоняли. Становилось все темнее и темнее, и мы уже *еле видели* мяч, но не хотели бросать, все гоняли и гоняли. В итоге, пришлось. Этот препод, который преподавал биологию, мистер Замбеси, высунул голову из этого окна в учебном корпусе и сказал нам идти в общагу, потому что обедать пора. Стоит только вспомнить такую хрень, и прощание настигнет только так – по крайней мере, большую часть времени. Как только меня настигло, я развернулся и припустил вниз с холма в другую сторону, к дому старика Спенсера. Он жил не в студгородке, а на авеню Энтони Уэйна.

Я спустился бегом до самых главных ворот, а там переждал секунду, пока отдышусь. Дыхалка у меня слабая, если хотите знать. Я довольно много курю, с одной стороны – точнее, курил. Здесь заставили бросить. С другой стороны, я *вырос* за прошлый год на шесть с половиной дюймов. Вот так я, кроме прочего, чуть не подхватил т. б. и приехал сюда на все эти чертовы анализы и прочую хрень. А так я вполне здоров.

Короче, как только я отдышался, побежал через трассу 204. Было адски скользко, и я, блин, чуть не грохнулся. Не знаю даже, зачем бежал – наверно, просто так. Когда перебежал через дорогу, я почувствовал, словно пропадаю. День был вообще долбанутый, зверский холод, и ни солнца, ничего, и всякий раз, как перейдешь дорогу, такое чувство, что сейчас пропадешь.

Ух, и названивал я в этот звонок, когда добрался до дома

старика Спенсера. Я всерьез замерз. Уши ломило, и пальцы еле шевелились.

– Ну же, ну же, – сказал я вслух, почти, – кто-нибудь, откройте дверь.

Наконец, открыла старая миссис Спенсер. Они не держали ни горничной, ничего, и всегда сами дверь открывали. Капусты у них было не особо.

– Холден! – сказала миссис Спенсер. – Как славно тебя видеть! Входи, милый! Ты до смерти замерз?

Думаю, она была рада меня видеть. Я ей нравился. По крайней мере, я так думаю.

Ух, и быстро же я шмыгнул в этот дом.

– Как поживаете, миссис Спенсер? – сказал я. – Как мистер Спенсер?

– Дай-ка мне куртку, милый, – сказала она. Она не слышала, что я спросил, как там мистер Спенсер. Она была глуховата.

Она повесила мою куртку в шкаф в прихожей, и я как бы зачесал волосы назад ладонью. Я частенько ношу короткий ежик и причесываться особо не нужно.

– Как ваши дела, миссис Спенсер? – переспросил я, только погромче, чтобы она услышала.

– У меня все прекрасно, Холден, – она закрыла дверцу шкафа. – А у тебя?

По тому, как она это спросила, я сразу понял, что старик Спенсер рассказал ей, что меня вытурили.

– Прекрасно, – сказал я. – Как мистер Спенсер? Справился с гриппом?

– Справился! Холден, он ведет себя как полный... Не знаю, *кто*... Он у себя, милый. Иди прямо к нему.

2

У них у каждого была своя комната и все такое. Им обоим было под семьдесят, если не больше. Но они балдели от разных вещей – слегка через жопу, конечно. Знаю, плохо так говорить, но я ничего плохого сказать не хотел. Я просто хотел сказать, что довольно много думал о старике Спенсере, а если думаешь о нем слишком много, начинаешь недоумевать, за каким хреном он еще живет. То есть, он весь сгорбился, без страха не взглянешь, и всякий раз, как в классе он уронит мелок у доски, кому-нибудь с первого ряда всегда приходится вставать, подбирать и подавать ему. По-моему, это ужасно. Но, если думаешь о нем в меру, а не *слишком* много, получается, что он не так уж плохо поживает. К примеру, как-то в воскресенье, когда несколько ребят и я пришли к нему на горячий шоколад, он показывал нам это старое потрепанное одеяло навахо, которое они с миссис Спенсер купили у одного индейца в Йеллоустонском парке. Было видно, что старик Спенсер вовсю балдел оттого, что купил его. Вот, что я хочу сказать. Посмотришь на кого-то, старого, как черт, вроде старика Спенсера, а он вовсю балдеет оттого, что купил одеяло.

Дверь была открыта, но я все равно как бы постучался, просто из вежливости и все такое. Я видел, где он сидит. Он сидел в большом кожаном кресле, весь завернутый в это оде-

яло, о котором я рассказал. Когда я постучался, он взглянул в мою сторону.

– Кто там? – заорал он. – Колфилд? Входи, пареньь.

Он всегда орал вне класса. Иногда это действовало на нервы.

Едва войдя, я уже как бы пожалел. Он читал “Атлантик-мансли”, и повсюду валялись таблетки и лекарства, и пахло каплями от насморка. Тоску нагоняло. Я вообще не схожу с ума по больным. Но еще больше тоску нагоняло то, что старик Спенсер был в этом унылом, рваном старом халате, в котором он наверно родился или вроде того. Я вообще не большой любитель смотреть на старперов в пижамах и халатах. Вечно у них открыта костлявая стариковская грудь. И ноги. У стариков ноги, на пляжах и вообще, всегда такие белые и безволосые.

– Здравствуйте, сэр, – сказал я. – Я получил вашу записку. Большое спасибо.

Он написал мне эту записку, в которой просил заглянуть и попрощаться до начала каникул, поскольку назад я не собирался.

– Вам не стоило беспокоиться. Я бы все равно заглянул попрощаться.

– Сядь-ка туда, пареньь, – сказал старик Спенсер. Он имел в виду кровать.

Я сел.

– Как ваш грипп, сэр?

– Паря, будь мне чуть получше, пришлось бы послать за врачом, – сказал старик Спенсер. И его прорвало. Он стал хихикать, как ненормальный. Затем, наконец, распрямился и сказал: – Почему ты не на футболе со всеми? Я думал, сегодня большая игра.

– Это да. Я был. Только я ездил в Нью-Йорк с фехтовальной командой, – сказал я. Ух, и кровать – камень.

Он посерьезнел, как черт. Я знал, сейчас начнется.

– Значит, ты нас покидаешь, а? – сказал он.

– Да, сэр. Похоже на то.

Он принялся кивать. Я в жизни никого не видел, кто бы столько кивал, как старик Спенсер. Никогда не знаешь, то ли он кивает потому, что думает о чем-то и все такое, то ли потому, что он такой старикашка, который жопу от локтя не отличит.

– Что тебе, парень, сказал доктор Термер? Я так понимаю, у вас с ним был небольшой разговорчик.

– Да, сэр, был. Правда. Я провел у него в кабинете часа два, наверно.

– Что он сказал тебе?

– О... ну, о том, что жизнь – это игра и все такое. И что нужно играть по правилам. Он хорошо так говорил. То есть, не то, чтобы толкал речь. Он просто говорил о том, что жизнь – игра и все такое. Ну, знаете.

– Жизнь – это игра, парень. Жизнь – это игра, в которую играют по правилам.

– Да, сэр. Я это знаю. Знаю.

Охренеть, игра. Тоже мне, игра. Если ты на стороне, где одни мастаки, тогда согласен, это игра – готов признать. Но если ты на *другой* стороне, где ни одного мастака, какая тогда игра? Никакая. Нет игры.

– А доктор Термер не написал еще твоим родителям? – спросил меня старик Спенсер.

– Он сказал, что напишет им в понедельник.

– А сам ты уже связался с ними?

– Нет, сэр, я с ними не связывался, потому что наверно увижу их в среду вечером, когда приеду домой.

– И как, по-твоему, они воспримут эту новость?

– Ну... они будут всерьез негодовать, – сказал я. – Правда. Это уже где-то четвертая школа, куда я хожу.

Я покачал головой. Я частенько качаю головой.

– Ух! – сказал я.

И «Ух!» говорю частенько. Отчасти потому, что у меня фиговый словарный запас, отчасти потому, что иногда веду себя моложе своих лет. Мне тогда было шестнадцать, а теперь – семнадцать, а я иногда веду себя, словно тринадцатилетний. Смех, да и только, потому что во мне шесть футов и два с половиной дюйма², и седые волосы. Правда. Половина головы у меня – правая половина – вся в миллионах седых волосков. Это у меня с самого детства. И при этом я иногда веду себя как какой-нибудь двенадцатилетка. Все так гово-

² 6 футов, 2,5 дюйма = 188 см.

рят, особенно отец. И отчасти это так, но *не всегда*. Люди вечно уверены иногда, что это *всегда*. Мне начхать, только тоска иногда берет, когда мне говорят вести себя по возрасту. Иногда я веду себя гораздо старше своих лет – правда, – но этого люди никогда не замечают. Люди никогда ничего не замечают.

Старик Спенсер снова принялся кивать. А кроме того, ковыряться в носу. Он делал вид, что просто чешет нос, а сам засунул весь свой заскорузлый палец. Наверно думал, ничего такого, раз в комнате никого, кроме меня. Мне все равно, только довольно противно смотреть, как кто-то ковыряется в носу.

Затем он сказал:

– Я имел честь познакомиться с твоими матушкой и папой, когда они беседовали с доктором Термером несколько недель назад. Прелестные люди.

– Да, согласен. Они очень хорошие.

Прелестные. Вот уж словечко, которое я ненавижу. Такая пошлятина. Как услышу, блевать тянет.

Затем внезапно старик Спенсер принял такой вид, словно сейчас скажет мне что-то очень хорошее, что-то острое как гвоздь. Он сел еще прямее у себя на стуле и как бы размялся. Но это была ложная тревога. Все, что он сделал, это взял с колен “Атлантик-мансли” и попытался бросить на кровать, рядом со мной. Не добросил. Не хватило каких-нибудь двух дюймов, но он все равно не добросил. Я встал, поднял

журнал и положил на кровать. Мне вдруг захотелось свалить к чертям из комнаты. Я почувствовал, что назревает зверская лекция. Я не так уж возражал против этого, но не хотелось слушать лекцию и при этом нюхать капли от насморка и смотреть на старика Спенсера в пижаме и халате. Совсем не хотелось.

И началось, еще бы.

– Что с тобой такое, парень? – сказал старик Спенсер. Он сказал это довольно жестко для него. – Сколько предметов ты сдавал в этой четверти?

– Пять, сэр.

– Пять. А сколько провалил?

– Четыре, – я чуть поерзал на кровати. В жизни не сидел на такой твердой кровати. – Английский я сдал, ага, – сказал я, – потому что проходил «Беовульфа» и “Лорда Рэндала, моего сына” и все прочее в Хутонской школе. То есть, мне почти совсем не приходилось что-то делать по английскому, разве только сочинения писать время от времени.

Он даже не слушал. Он почти никогда не слушал, если ты что-то говорил.

– По истории я тебя провалил потому, что ты ничегошеньки не знаешь.

– Я это знаю, сэр. Ух, знаю. Вам больше ничего не оставалось.

– Ничегошеньки, – повторил он. Вот уж, что меня бесит. Когда люди что-то вот так повторяют, хотя ты уже *признал*

это с первого раза. А он и *в третий* раз сказал. – Ну ничегошеньки. Я очень сомневаюсь, чтобы ты хоть раз открывал учебник за всю четверть. Открывал? Говори правду, парень.

– Ну, я как бы пролистал его пару раз, – сказал я ему. Не хотелось его огорчать. Он был помешан на истории.

– Пролистал, значит, да? – сказал он так саркастично. – Твоя, э-э, *экзаменационная* работа вон там, наверху шифоньера. Наверху стопки. Подай сюда, пожалуйста.

Это был очень грязный трюк, но я пошел и подал ему свою работу – он не оставил мне выбора, вообще. Затем я снова сел на его цементную кровать. Ух, вы представить себе не можете, как я жалел, что заглянул к нему попрощаться.

Он держал мою работу с таким видом, словно это был кусок сами знаете чего.

– Мы проходили египтян с 4-го ноября по 2-ое декабря, – сказал он. – Ты сам их *выбрал* для написания эссе на свободную тему. Не желаешь послушать, что ты написал?

– Нет, сэр, не особенно, – сказал я.

Только он все равно стал читать. Учителя не остановишь, если он вознамерился что-то сделать. Он просто это *делает*.

Египтяне были древней европеоидной расой, проживавшей в одной из северных областей Африки. Последняя, как всем нам известно, является крупнейшим континентом в Восточном Полушарии.

Я должен был сидеть и слушать этот бред. Грязный трюк, как он есть.

Египтяне чрезвычайно интересны нам сегодня по разным причинам. Современная наука все еще пытается понять, какими были секретные ингредиенты, которые использовали египтяне, когда оборачивали мертвых, чтобы их лица не гнили бесчисленные века. Эта интересная загадка все еще бросает серьезный вызов современной науке двадцатого века.

Он перестал читать и отложил мою работу. Я уже начинал его как бы ненавидеть.

– Твое, с позволения сказать, эссе на этом заканчивается, – сказал он таким очень саркастичным тоном. И не подумаешь, что такой старикашка может быть настолько саркастичным и все такое. – Однако, ты приписал мне пару строчек внизу страницы, – сказал он.

– Да я знаю, – сказал я. Я очень быстро это сказал, потому что хотел унять его, пока он не начал читать *это* вслух. Но его разве уймешь? Он уже закусил удила.

УВАЖАЕМЫЙ МИСТЕР СПЕНСЕР [читал он вслух].
Это все, что я знаю о египтянах. Кажется, они не пробуждают во мне интереса, хотя ваши лекции очень интересны. Но я не возражаю, если вы меня провалите, потому что я

уже все равно провалил все, кроме английского.

Искренне Ваш, ХОЛДЕН КОЛФИЛД.

Он отложил мою чертову работу и так посмотрел на меня, будто только что разбил подчистую в пинг-понг или вроде того. Сомневаюсь, что когда-нибудь прощу его за то, что он прочитал вслух этот бред. Если бы *он* такое написал, я бы не стал читать это вслух *ему* – правда, не стал бы. Начать с того, что я сделал эту чертову приписку *только* затем, чтобы он не слишком переживал, что провалит меня.

– Ты винишь меня, что я провалил тебя, парень? – сказал он.

– Нет, сэр! Совсем нет, – сказал я. Хоть бы он к чертям перестал все время называть меня “парень”.

Разделавшись с моей работой, он попытался метнуть ее на кровать. Только снова, разумеется, промазал. Мне пришлось снова встать, подобрать ее и положить на “Атлантик-мансли”. *Надоело* делать это каждые две минуты.

– Что бы ты сделал на моем месте? – сказал он. – Говори, как есть, парень.

Что ж, было видно, что ему на самом деле довольно паршиво оттого, что он провалил меня. Так что я принялся толкать ему фуфло. Сказал, что я форменный кретин и всякую такую хрень. Сказал, что сделал бы в точности то же самое на его месте, и что большинство людей недооценивает, как это трудно, быть учителем. Такого рода хрень. Толкал типичное

фуффло.

Но, что смешно, я как бы думал о чем-то другом, пока толкал это фуффло. Я живу в Нью-Йорке и думал о лагуне в Центральном парке, возле южного входа в Центральный парк. Думал, замерзнет ли она, когда я приеду домой, и, если да, куда денутся утки. Я думал, куда деваются утки, когда лагуна вся покрывается льдом и замерзает. Думал, может, приезжает какой-нибудь тип в фургоне и забирает их в зоопарк или вроде того. Или они просто улетают.

Но я везунчик. То есть, я мог толкать это старое фуффло старику Спенсеру и одновременно думать о тех утках. Смешно. Когда говоришь с учителем, не нужно много думать. Однако он вдруг перебил меня, пока я толкал фуффло. Он всегда тебя перебивал.

– Что ты *чувствуешь* на этот счет, парень? Мне будет очень интересно послушать. Очень интересно.

– В смысле, вы о том, что я вылетел из Пэнси и все такое? – сказал я. А сам как бы думаю, хоть бы он уже прикрыл свою костлявую грудь. Зрелище не самое прекрасное.

– У тебя, если не ошибаюсь, также были, кажется, какие-то сложности в Вутонской школе и в Элктон-хиллс.

Он сказал это не просто саркастично, а как-то даже ядовито.

– В Элктон-хиллс у меня не было особых сложностей, – сказал я ему. – Я вообще-то не вылетел оттуда или что-то такое. Я просто бросил, вроде как.

– Можно узнать, почему?

– Почему? Ну, в общем, это долгая история, сэр. То есть, там все довольно запутанно.

Мне не хотелось углубляться с ним во все это. Он бы все равно не понял. Это совсем не по его части. Из Элктон-хиллс я ушел главным образом потому, что там была сплошная туфта. Вот и все. Лезла из всех, блин, щелей. Взять, к примеру, этого директора, мистера Хааса – такого фуфела туфтового я в жизни не встречал. В десять раз хуже старика Термера. По воскресеньям, к примеру, старик Хаас обходил всех родителей, приезжавших в школу, и жал им ручки. Обаятельный до черта и все такое. Не считая ребят, у которых родители такие старые и неловкие. Вы бы видели, как он вел себя с родителями моего соседа по комнате. То есть, если у кого мать такая как бы толстая или немодная и все такое, или отец из тех ребят, что носят костюмы с широченными плечами и немодные черно-белые туфли, тогда старик Хаас только пожмет им руки и улыбнется своей туфтовой улыбочкой, а потом уйдет болтать, может, на *полчаса*, еще с чьи-то родителями. Терпеть не могу такой хрени. Просто бесит. До того бесит, что умом можно тронуться. Я ненавидел этот чертов Элктон-хиллс.

Затем старик Спенсер что-то спросил у меня, но я не слышал. Я думал о старике Хаасе.

– Что, сэр? – сказал я.

– Ты о чем-нибудь особенном *жалеешь*, покидая Пэнси?

– Ну, да, о чем-нибудь жалею, ага. Еще бы... но не слишком. По крайней мере, пока. Думаю, меня это просто еще не настигло. Меня не сразу настигает. Все, что меня сейчас занимает, это мысли о том, как я приеду домой в среду. Я точно кретин.

– Ты совершенно не думаешь о будущем, парень?

– Ну, я думаю иногда о будущем, ага. Еще бы. Еще бы, само собой, – я подумал об этом с минуту. – Но кажется, не очень. Кажется, не очень.

– Еще *задумываешься*, – сказал старик Спенсер. – *Задумываешься*, парень. *Задумываешься*, когда поздно будет.

Мне не понравилось, что он так сказал. Как будто я уже умер или вроде того. Очень неприятно.

– Может, и *задумываюсь*, – сказал я.

– Мне хочется вложить здравого смысла тебе в голову, парень. Я помочь тебе пытаюсь. *Помочь* пытаюсь, как могу.

И он действительно пытался. Это было видно. Просто мы смотрели на все слишком по-разному, вот и все.

– Я это знаю, сэр, – сказал я. – Большое спасибо. Кроме шуток. Я это ценю. Правда, – и я встал с кровати. Ух, я бы скорее сдох, чем просидел на ней еще десять минут. – Только, видите ли, мне уже пора идти. У меня немало снаряжения в спортзале, которое нужно забрать, чтобы домой увезти. Правда.

Он поднял на меня взгляд и снова стал кивать, с очень таким серьезным видом. Мне вдруг стало до чертиков жаль

его. Но я просто не мог там торчать дальше, потому что мы смотрели на все настолько по-разному, и он постоянно не добрасывал до кровати все, что кидал на нее, в своем унылом старом халате нараспашку, и кругом был этот гриппозный запах капель он насморка.

– Знаете, сэр, не волнуйтесь за меня, – сказал я. – Серьезно. Я буду в порядке. Просто у меня сейчас такая фаза. У всех ведь бывают фазы и все такое, разве нет?

– Не знаю, парень. Не знаю.

Ненавижу, когда кто-то так отвечает.

– Еще бы. Еще как бывают, – сказал я. – Seriously, сэр. Пожалуйста, не волнуйтесь за меня, – я как бы положил руку ему на плечо и добавил: – Окей?

– Не желаешь чашку горячего шоколада на дорожку? Миссис Спенсер будет...

– Я бы с радостью, правда, но дело в том, что мне уже пора. Пора идти в спортзал. Но спасибо. Большое спасибо, сэр.

И мы пожали руки. Все как полагается. Мне стало чертовски грустно от всего этого бреда.

– Я черкану вам строчку, сэр. Берегите себя насчет гриппа, вот.

– Всего доброго, парень.

Когда я закрыл дверь и пошел через гостиную, он проорал мне что-то вслеп, но я слегка не расслышал. Почти наверняка он орал: «Удачи!», вот уж к черту. Я бы никому не стал орать: «Удачи!» Ужасно звучит, если подумать.

Я самый зверский враль, какого вы только видели. Это ужасно. Если я иду в магазин, хотя бы купить журнальчик, и кто-нибудь спросит меня, куда я иду, я запросто скажу, что иду в оперу. Это кошмар. Вот, и когда я сказал старику Спенсеру, что мне надо в спортзал, забрать снаряжение и прочее барахло, это была сплошная ложь. Я вообще не держу мое чертово снаряжение в спортзале.

Где я жил в Пэнси, это в корпусе имени Оссенбургера, в новой общежитии. Она была только для младших и старших. Я был младшим. Мой сосед по комнате – старшим. Назван корпус в честь этого малого, Оссенбургера, который ходил в Пэнси. Он нарубил кучу капусты на похоронном бизнесе после того, как окончил Пэнси. Что он сделал, это пооткрывал по всей стране такие похоронные бюро, где можно хоронить своих близких баксов по пять за штуку. Видели бы вы старика Оссенбургера. Он наверно просто пихает их в мешок и сбрасывает в реку. Короче, он отсыпал Пэнси немало капусты, и они называли в его честь наш корпус. На первый футбольный матч года он прикатил в таком большущем официальном «кадиллаке», и нам всем пришлось выстраиваться на трибуне и приветствовать его, как паровоз, стоячими овациями. Затем, на другое утро, в часовне, он произнес речь, длившуюся часов десять. Для начала он выдал штук пять-

десять пошлейших шуток, просто чтобы показать, какой он свойский парень. Очень большое дело. Затем стал нам рассказывать, что никогда не стесняется, если у него случаются какие-нибудь неприятности или вроде того, встать на колени и помолиться Богу. Сказал нам, чтобы мы всегда молились Богу – говорили с Ним и все такое – где бы мы ни были. Сказал нам, чтобы мы думали об Иисусе, как о нашем приятеле и все такое. Сказал, что *сам* все время говорит с Иисусом. Даже за рулем. Сдохнуть можно. Так и вижу, как этот фуфел туфтовый переключает первую передачу и просит Иисуса послать ему побольше жмуриков. Во всей его речи было единственное хорошее место, прямо в середине. Он рассказывал нам всем, какой он классный парень, какой молоток и все такое, когда вдруг этот парень, сидевший в ряду передо мной, Эдгар Марсалла, издал такой зверский пердеж. Хамство, конечно, в часовне и все такое, но вышло довольно смешно. Старик Марсалла. Чуть крышу не сорвал. Смеха, вроде, не было, а старик Оссенбургер сделал вид, что ничего не слышал, но старик Термер, директор, сидел с ним бок о бок на кафедре и все такое, и по нему было видно, что *он* все слышал. Ух, как он взбеленился. В тот раз ничего не сказал, но на следующий вечер заставил нас провести принудительную самоподготовку в учебном корпусе и выдал речь. Сказал, что тот, кто устроил безобразие в часовне, недостойн Пэнси. Мы уговаривали Марсаллу повторить свой номер, прямо во время речи старика Термера, но он был не в том

настроении. Короче, я там жил в Пэнси. В корпусе имени старика Оссенбургера, в новой общежитии.

Было довольно приятно вернуться в свою комнату после того, как я ушел от старика Спенсера, потому что все были на футболе, а в нашей комнате включили обогрев для разнообразия. Было как-то уютно. Я снял куртку и галстук, и расстегнул воротничок рубашки; а затем надел эту кепку, которую купил тем утром в Нью-Йорке. Это была такая красная охотничья кепка, с таким длинным-предлинным козырьком. Я увидел ее в витрине этого спортивного магазина, когда мы вышли из подземки, как раз после того, как я заметил, что потерял все эти чертовы рапиры. Обошлась мне в один бакс. А носил я ее задом-наперед, козырьком назад – пошлятина, согласен, но мне так нравилось. Я хорошо смотрелся, когда так носил ее. Затем я достал эту книгу, которую читал, и уселся в свое кресло. В каждой комнате было по два кресла. Так что одно было моим, другое – моего соседа, Уорда Стрэдлейтера. Подлокотники были в плачевном состоянии, потому что все вечно садились на них, но кресла вполне себе.

А читал я эту книгу, которую взял в библиотеке по ошибке. Мне дали не ту книгу, а я и не заметил, пока не дошел до комнаты. Мне дали “Из Африки” Исаака Динесена. Я думал, книжка будет дрянь, но нет. Очень хорошая книжка. Я довольно безграмотный, но читаю много. Мой любимый автор – мой брат, Д. Б., а после него – Ринг Ларднер. Брат подарил мне книгу Ринга Ларднера на день рождения, как раз перед

тем, как я уехал в Пэнси. Там такие очень смешные, чумовые пьесы, и еще один такой рассказ о патрульном копе, который влюбляется в такую хорошенькую девушку, которая вечно куда-то мчится. Только он женат, этот коп, так что не может на ней жениться или еще чего-нибудь. А потом эта девушка погибает, потому что вечно мчится. Я с этого рассказа чуть не помер. Что мне особенно нравится в книгах, это когда там хоть что-то смешное. Я читаю много классических книг, вроде “Возвращения на родину” и всякого такого, и они мне нравятся, и много военных книг и детективов, и всякого такого, но они не особо меня цепляют. Что меня по-настоящему цепляет, это такая книга, которую, как дочитаешь, хочется, чтобы автор, написавший ее, был твоим зверским другом, и ты мог бы позвонить ему, когда захочется. Только такое нечасто случается. Я бы не прочь позвонить этому Исаку Динесену. И Рингу Ларднеру, да только Д. Б. сказал мне, он уже умер. А взять эту книгу, «Время страстей человеческих» Сомерсета Моэма. Прочитал прошлым летом. Довольно хорошая книга и все такое, но мне бы не хотелось звонить Сомерсету Моэму. Не знаю. Просто, он не тот парень, которому мне хотелось бы позвонить, вот и все. Уж лучше я бы позвонил старику Томасу Гарди. Нравится мне его Юстасия Вэй³.

Короче, я надел новую кепку и уселся читать эту книгу,

³ Юстасия Вэй – прекрасная и своенравная героиня социально-психологического романа Томаса Гарди “Возвращение на родину”.

«Из Африки». Я уже прочел ее, но хотел перечитать отдельные места. И только я дошел страницы до третьей, как услышал, что кто-то прошел через занавески в душевой. Даже не поднимая взгляда, я сразу понял, кто это. Это был Роберт Экли, этот тип из соседней комнаты. В нашем корпусе между каждыми двумя комнатами общий душ, и за день старик Экли заваливался ко мне раз восемьдесят пять. Наверно он единственный во всей общаге, не считая меня, кто не пошел на футбол. Он почти *никуда* не ходил. Очень странный тип. Он был старшеклассником и провел в Пэнси все четыре года и все такое, но никто не называл его иначе, как «Экли.» Даже его сосед по комнате, Херб Гейл, никогда не называл его ни «Боб», ни даже «Эк.» Если он когда-нибудь женится, родная жена и то, наверно, будет звать его «Экли.» Он из этих высокоченных ребят с покатыми плечами – примерно шесть футов, четыре дюйма⁴ – и с паршивыми зубами. За все время, что я его знал, ни разу не видел, чтобы он чистил зубы. У них всегда был такой страшный заросший вид, что вас бы, блин, стошнило, если бы увидели его в столовой, с полным ртом пюре с горошком или еще с чем. Кроме того, он был весь в прыщах. Не только на лбу и подбородке, как у большинства ребят, а по всему лицу. И кроме всего прочего, он отличался скверным характером. К тому же, он был тем еще похабником. Сказать по правде, я его недолюбливал.

Я чувствовал, что он стоял на пороге душевой, прямо у

⁴ Шесть футов, четыре дюйма = 193 см.

меня за спиной, и смотрел, не видно ли Стрэдлейтера. Он люто ненавидел Стрэдлейтера и никогда не входил при нем в комнату. Да он, блин, чуть не *каждого* люто ненавидел.

Он шагнул из душевой в комнату.

– Привет, – сказал он. Он всегда говорил это так, словно ему зверски скучно или он зверски устал. Он не хотел, чтобы вы думали, что он зашел *к вам* или вроде того. Он хотел, чтобы вы думали, будто он зашел *по ошибке*, господи боже.

– Привет, – сказал я, но взгляда от книги не поднял. С таким, как Экли, если поднимешь взгляд от книги, тебе кранты. Тебе так и так *кранты*, но не так быстро, если не сразу поднимешь взгляд.

Он, как всегда, стал ходить по комнате, медленно так и брать мои личные вещи и все такое со стола и шифоньера. Он всегда брал мои личные вещи и рассматривал. Ух, и действовал он иногда на нервы.

– Как прошло фехтование? – сказал он. Он просто хотел, чтобы я бросил читать и радоваться жизни. Начхать ему было на фехтование. – Мы победили или что? – сказал он.

– Никто не победил, – сказал я. Не поднимая взгляда.

– Что? – сказал он. Он вечно вынуждал все повторять.

– Никто не победил, – сказал я. Я глянул искоса, с чем он там играет на моем шифоньере. Он смотрел на эту фотокарточку этой девушки, Салли Хейс, с которой я одно время гулял в Нью-Йорке. Он брал эту чертову карточку и смотрел на нее наверно пять тысяч раз, если не больше. К тому же,

как насмотрится, всегда ставил ее не туда. Намеренно. Это же ясно.

– *Никто* не победил, – сказал он. – Это как?

– Я оставил чертовы рапиры и всю хрень в подземке.

Я так и не поднял взгляда.

– В *подземке*, бога в душу! Ты *посеял* их, так что ли?

– Мы сели не в ту подземку. Мне приходилось вставать и смотреть на чертову карту на стене.

Он подошел и встал, застя мне свет.

– Эй, – сказал я. – Я перечитал это предложение раз двадцать с тех пор, как ты пришел.

Любой, кроме Экли, уловил бы намек, черт возьми. Но только не он.

– Думаешь, тебя заставят заплатить за них? – спросил он.

– Не знаю, и мне до фени. Ты бы *сел* что ли или вроде того, Экли-детка. Ты, блин, застишь мне свет.

Ему не нравилось, когда его называли «Экли-детка». Он вечно говорил мне, что я, блин, дите, потому что мне было шестнадцать, а ему – восемнадцать. И бесился, когда я называл его «Экли-детка».

Он стоял на месте. Он был *как раз* из тех, кто ни по чем не отойдут, если их попросишь. Он отошел, *в итоге*, но сделал бы это раньше, если бы я *не просил*.

– Чего ты там читаешь? – сказал он.

– Книгу, блин.

Он отклонил рукой мою книгу, чтобы увидеть название.

– И как тебе? – сказал он.

– *Предложение*, что я перечитываю, просто зверское.

Я могу быть весьма саркастичным, когда в настроении. Только он этого не уловил. Он снова стал ходить по комнате и брать все мои личные вещи и Стрэдлейтера. Наконец, я положил книгу на пол. Почитаешь тут, когда рядом такой, как Экли. Просто невозможно.

Я сполз в кресле пониже и смотрел, как хозяйничает старый черт Экли. Я как бы умотался после поездки в Нью-Йорк и все такое, и стал зевать. Затем стал потихоньку валять дурака. Иногда я будь здоров валяю дурака, просто чтобы не скучать. Что я сделал, я повернул козырек старой охотничьей кепки вперед и опустил на глаза. Так, что ни черта не видел.

– Похоже, я слепну, – сказал я очень таким хриплым голосом. – Матушка, у меня в глазах *темнеет*.

– Ты сбрендил. Ей-богу, – сказал Экли.

– Матушка, дай мне *руку*. Почему ты не дашь мне *руку*?

– Бога в душу, повзрослей уже.

Я стал шарить руками перед собой как слепой, но не вставал, ничего такого. И все говорил:

– Матушка, почему ты не дашь мне руку?

Я, понятное дело, просто валял дурака. Иногда я балдею с такого. К тому же, я знаю, что это адски бесило старика Экли. Он вечно пробуждал во мне старого садиста. Я частенько бывал с ним приличным садистом. Но потом перестал. Я

снова повернул козырек назад и расслабился.

– А это чье? – сказал Экли. Он держал и показывал мне наколенник моего соседа. Этот тип Экли брал *все подряд*. Он бы взял и твой бандаж и что угодно. Я сказал ему, что это Стрэдлейтера. Тогда он бросил наколенник на кровать Стрэдлейтера. Он взял его с *шифоньера* Стрэдлейтера, поэтому бросил на *кровать*.

Он подошел к креслу Стрэдлейтера и сел на подлокотник. В кресло никогда не сядет. Всегда – на подлокотник.

– Где ты, блин, достал эту кепку? – сказал он.

– В Нью-Йорке.

– За сколько?

– За бакс.

– Тебя ограбили.

Он стал чистить свои поганые ногти концом спички. Он вечно чистил ногти. Занятно даже. Зубы у него вечно были заросшие, и уши грязные, как у черта, но ногти он вечно чистил. Наверно считал себя большим *чистюлей*. Продолжая чистить их, он снова глянул на мою кепку.

– Дома у нас мы такие кепки надеваем, чтобы *олений* стрелять, а не просто так, – сказал он. – Это кепка для охоты на оленей.

– Черта с два, – я снял ее и осмотрел, как бы прищурившись, словно взял ее на мушку. – Это кепка для охоты на людей, – сказал я. – Я в этой кепке людей стреляю.

– Предки твои знают, что тебя вытурили?

– Неа.

– Где вообще этот черт Стрэдлейтер?

– На футболе. У него свидание.

Я зевнул. Я зевал как заведенный. Между прочим, в комнате было чертовски жарко. В сон клонило. В Пэнси ты либо вусмерть замерзал, либо подыхал от жары.

– Великий Стрэдлейтер, – сказал Экли. – Эй. Дай-ка мне ножницы на секунду, а? Они у тебя под рукой?

– Нет. Я их уже убрал. Они в шкафу, наверху.

– Достань на секунду, а? – сказал Экли. – У меня этот заусенец, хочу срезать.

Ему было все равно, убрал ты что-то или нет на самый верх шкафа. Но я достал ему ножницы. И меня при этом чуть не убило. Только я открыл дверцу шкафа, как теннисная ракетка Стрэдлейтера – в деревянном футляре и все такое – свалилась прямо мне на голову. Такой громкий *блямс* и чертовски больно. А старик Экли чуть со смеху не сдох. Стал смеяться таким тоненьким фальцетом. Смеялся все время, пока я доставал чемодан и вынимал ему ножницы. От всякого такого – кто-то получил камнем по башке или вроде того – Экли балдел до уссачки.

– У тебя офигенное чувство юмора, Экли-детка, – сказал я ему. – Ты это знаешь? – я протянул ему ножницы. – Давай я стану твоим агентом. Я тебя на радио пристрою, – я снова сел в свое кресло, а он стал стричь свои здоровые захезанные ногти. – Давай над столом или вроде того? – сказал я. –

Стриги их над столом, а? Не хочется наступить ночью босиком на твои паршивые ногти.

Но он продолжал стричь их над полом. Что за дурацкая манера. Серьезно.

– С кем свиданка у Стрэдлейтера? – сказал он. Он вечно следил, с кем Стрэдлейтер ходил на свидания, хотя люто ненавидел Стрэдлейтера.

– Не знаю. А что?

– Так просто. Ух, не выношу этого сукина сына. Если какого сукина сына не выношу, так это его.

– Он без ума от *тебя*. Он сказал мне, что считает тебя принцем, блин, – сказал я. Я довольно часто называю кого-нибудь «принцем», когда валяю дурака. Это помогает не скучать или вроде того.

– У него все время такое надменное *отношение*, – сказал Экли. – Просто не выношу сукина сына. Можно подумать, он...

– Ты не мог бы стричь свои ногти над *столом*, а? – сказал я. – Я просил уже раз пятьдесят...

– У него все время такое, блин, надменное отношение, – сказал Экли. – Я этого сукина сына даже умным не считаю. Он *считает* себя умным. Он считает себя самым...

– *Экли!* Бога в душу. Стриги, *пожалуйста*, свои захезанные ногти над столом, а? Я пятьдесят раз тебя просил.

Он стал стричь ногти над столом, для разнообразия. Единственный способ добиться от него чего-то, это заорать на

него.

Я сидел и смотрел на него. Затем сказал:

– Почему ты злишься на Стрэдлейтера, это потому, что он сказал насчет того, чтобы ты чистил зубы время от времени. Он не хотел обидеть тебя, до рыданий довести. Он *сказал*, так не годится и все такое, но он не имел в виду ничего обидного. Он только имел в виду, что ты бы лучше выглядел и *чувствовал* себя лучше, если бы как бы чистил зубы время от времени.

– Я чищу зубы. *Не надо* мне тут.

– Нет, не чистишь. Я сколько раз тебя видел, и ты не чистишь, – сказал я. Но я сказал это беззлобно. Мне его было как бы жаль, в каком-то смысле. То есть, понятное дело, это не слишком приятно, когда кто-то тебе говорит, что ты не чистишь зубы. – Стрэдлейтер вообще ничего. Он не так уж плох, – сказал я. – Ты его не знаешь, в этом проблема.

– Все равно я скажу, что он сукин сын. Самодовольный сукин сын.

– Он самодовольный, но в каких-то вещах очень щедрый. Правда, – сказал я. – Смотри. Предположим, к примеру, Стрэдлейтер носил бы галстук или вроде того, который тебе понравился. Скажем, на нем был бы галстук, который тебе чертовски понравился – я просто для примера говорю. Ну вот. Знаешь, что бы он сделал? Он бы наверно снял его и отдал тебе. Правда. Или... знаешь, что бы он сделал? Оставил бы его на твоей кровати или вроде того. Но он бы *отдал* те-

бе этот чертов галстук. Большинство ребят наверно просто бы...

— *Блин*, — сказал Экли. — Будь у меня столько капусты, как у него, я бы тоже.

— А вот и нет, — я покачал головой. — Вот и нет, Экли-детка. Будь у тебя столько капусты, ты был бы одним из самых...

— Хватит называть меня Экли-детка, черт тебя дери. Я тебе в отцы нафиг гожусь.

— А вот и нет.

Ух, и досаждал же он иногда. Он не упускал случая напомнить, что тебе шестнадцать, а ему — восемнадцать.

— Начать с того, что я бы тебя нафиг *не пустил* к себе в семью, — сказал я.

— Что ж, кончай давай называть меня...

Тут вдруг дверь открылась, и ввалился старик Стрэдлейтер, в большой спешке. Он вечно был в большой спешке. Все у него было большим делом. Он подошел ко мне и пару раз похлопал по щекам, чертовски игриво — иногда это очень раздражает.

— Слушай, — сказал он. — У тебя есть на вечер особые планы?

— Не знаю. Возможно. Что за чертовщина там творится — снег что ли?

У него все пальто было в снегу.

— Ага. Слушай. Если у тебя нет особых планов, как насчет одолжить мне свой пиджак в гусиную лапку?

– Кто выиграл? – сказал я.

– Еще пол-игры. Мы уходим, – сказал Стрэдлейтер. – Кроме шуток, нужна тебе сегодня гусиная лапка или нет? Я залил свой серый фланелевый какой-то сранью.

– Нет, но я не хочу, чтобы ты растянул его нафиг своими плечами и все такое, – сказал я. Рост у нас практически один в один, но весил он почти вдвое больше моего. У него такие широченные плечи.

– Не растяну, – он подошел к шкафу в большой спешке. – Как сам, Экли? – сказал он Экли.

Он был хотя бы приветливым парнем, Стрэдлейтер. Приветливость его была не без туфты, но он хотя бы всегда говорил Экли привет и все такое.

Экли ему только буркнул что-то на его «Как сам?» *Ответить* не ответил, но кишка была тонка хотя бы не буркнуть. Затем он сказал мне:

– Пойду, пожалуй. Покуда.

– Окей, – сказал я. Я не слишком убивался, что он меня покинул.

Старик Стрэдлейтер стал снимать пальто и галстук, и все такое.

– Побриться что ли по-быстрому, – сказал он. У него была приличная борода. Правда.

– Где твоя зазноба? – спросил я его.

– Ждет во “Флигеле”.

Он вышел из комнаты со своим бритвенным набором и

полотенцем под мышкой. Ни рубашки, ничего. Он вечно расхаживал с голым торсом, потому что считал свою фигуру чертовски привлекательной. И с этим не поспоришь. Это надо признать.

Делать мне было особо нечего, так что я пошел в уборную, точить с ним ляды, пока он брлся. Кроме нас в уборной никого не было, потому что никто еще не пришел с футбола. Было адски жарко, и все окна запотели. Вдоль стены протянулось порядка десяти умывальников. Стрэдлейтер встал у среднего. Я присел на соседний и стал открывать и закрывать холодную воду – такая у меня нервная привычка. Стрэдлейтер за бритьем насвистывал «Песнь Индии»⁵. У него был такой жутко пронзительный свист, практически не попадавший в ноты, к тому же он всегда выбирал такие песни, какие не каждый *хороший* свистун вытянет, вроде «Песни Индии» или «Бойни на десятой авеню.» Умел он песню запороть.

Помните, я говорил, что Экли был неряхой в личном плане? Что ж, Стрэдлейтер – тоже, но по-другому. Стрэдлейтер был, скорее, скрытным неряхой. Он всегда *выглядел* что надо, Стрэдлейтер, но, к примеру, вы бы видели бритву, которой он брлся. Вся ржавая как черт, в присохшей пене, волосках и прочем дерьме. Никогда ее не чистил, ничего. Он всегда хорошо *выглядел*, когда заканчивал прихорашиваться, но все равно он был скрытным неряхой для тех, кто знал его, как я. А прихорашивался он по той причине, что

⁵ Англ. "Song of India" – популярная песня на мелодию арии "Песнь индийского гостя" из оперы Николая Римского-Корсакова "Садко".

до одури себя любил. Он считал себя первым красавцем в Западном полушарии. Он, *и вправду*, довольно красив, это я признаю. Но он, по большому счету, такой красавец, которого если увидят в школьном альбоме твои родители, они сразу скажут: «Кто *этот* мальчик?» Я хочу сказать, он был, по большому счету, альбомным красавцем. Я знал в Пэнси полно ребят, на мой взгляд, гораздо красивей Стрэдлейтера, но они не выглядели красавцами на фотографиях в альбоме. Они выглядели так, словно у них большой нос или уши торчат. Я частенько замечал такое.

Короче, я сидел на умывальнике рядом со Стрэдлейтером, пока он брился, и как бы открывал-закрывал воду. На мне все еще была эта кепка, козырьком назад и все такое. Я действительно балдел от этой кепки.

– Эй, – сказал Стрэдлейтер. – Хочешь сделать мне большое одолжение?

– Какое? – сказал я. Без особого энтузиазма. Он всегда просил сделать ему большое одолжение. Возьми какого-нибудь красавчика или того, кто считает себя большим молодцом, и он всегда будет просить тебя о большом одолжении. Просто потому, что они *сами* без ума от себя, они думают, что *и ты* от них без ума и просто ждешь-не дожدهшься сделать им одолжение. Смешно по-своему.

– Ты идешь куда сегодня? – сказал он.

– Может быть. Может, и нет. Я не знаю. А что?

– Мне надо около сотни страниц прочитать по истории к

понедельнику, – сказал он. – Как насчет написать за меня сочинение по английскому? Мне будет крышка, если я не сдам эту хрень в понедельник, потому и прошу. Ну, так как?

Не иначе, как ирония судьбы. На самом деле.

– *Меня*, блин, вытурили отсюда, а *ты*, блин, просишь меня написать за тебя сочинение, – сказал я.

– Да я понимаю. Но просто мне будет крышка, если я не сдам его. Будь другом. Будь дружищем. Окей?

Я не сразу ему ответил. Таких козлов, как Стрэдлейтер, полезно подержать в напряжении.

– О чем? – сказал я.

– *О чем угодно*. Лишь бы что-нибудь наглядное. Комната. Или дом. Или что-то, где ты жил или вроде того... ну, *понимаешь*. Лишь бы было нафиг наглядно, – и зевнул во весь рот на этих словах. Вот от такого у меня просто мировая боль в жопе. То есть, если кто-то просит тебя сделать ему, блин, одолжение, а сам при этом *зеваает*. – Просто не слишком старайся, и все, – сказал он. – Этот сукин сын Хартцелл считает, что ты молоток в английском, а он знает, что мы в одной комнате. Так что не вставляй все запятые и прочую фигню в нужных местах.

Вот от этого у меня тоже мировая боль. То есть, когда вы умеете писать сочинения, а кто-то начинает говорить про запятые. Стрэдлейтер всегда был таким. Он хотел тебе внушить, что единственная причина, почему *он* писал фуфлыжные сочинения, это потому, что ставил все запятые не в тех

местах. Этим он в каком-то смысле походил на Экли. Как-то раз я сидел с Экли на этом баскетбольном матче. У нас в команде был зверский игрок, Хоуи Койл, который мог забросить мяч с середины поля, даже не задев доски или вроде того. Так вот, Экли весь матч твердил, что у Койла идеальное *телосложение* для баскетбола. Господи, как я ненавижу такую хрень.

В какой-то момент мне надоело сидеть на этом умывальнике, так что я отошел на несколько футов и начал выделять эту чечетку – просто по приколу. Я просто развлекался. Вообще я не умею танцевать чечетку или что-то такое, но в уборной был каменный пол, в самый раз для чечетки. Я стал подражать одному из этих ребят в кино. В одном из этих *мюзиклов*. Ненавижу кино как отраву, но балдею, когда подражаю. Старик Стрэдлейтер смотрел на меня в зеркало, пока брился. Все, что мне нужно, это публика. Я эксгибиционист.

– Я, блин, сын губернатора, – сказал я. Я отрывался по полной. Отбивал чечетку по всему полу. – Он не хочет, чтобы я танцевал чечетку. Он хочет, чтобы я поехал в Оксфорд. Но у меня это, блин, в крови – чечетка, – старик Стрэдлейтер засмеялся. У него было не самое плохое чувство юмора. – Сегодня премьера “Безумств Зигфелда⁶”, – я начинал выдыхаться. У меня дыхалка никакая. – Герой не может выступать. Напился в стельку. Кого же возьмут на замену? Меня,

⁶ Англ. Ziegfeld Follies – фривольные Бродвейские постановки (1907–1931 гг.) и радиопередачи (1932–1936 гг.).

вот кого. Мелкого, блин, сына губернатора.

– Где ты достал эту кепку? – сказал Стрэдлейтер. Он имел в виду мою охотничью кепку. Только что увидел.

Я все равно уже выдохся, так что перестал дурачиться. Я снял кепку и осмотрел ее наверно девятнадцатый раз.

– В Нью-Йорке достал сегодня утром. За бакс. Нравится? Стрэдлейтер кивнул.

– Четкая, – сказал он. Но он просто подлизывался, потому что тут же сказал: – Слушай. Ты напишешь за меня это сочинение? Мне надо знать.

– Будет время, напишу. Не будет, не напишу, – сказал я. Я подошел и снова присел на умывальник рядом с ним. – С кем у тебя свиданка? – спросил я его. – С Фицджеральд?

– Блин, нет! Я же говорил. С этой свиньей я завязал. – Да? Уступи ее мне, парень. Кроме шуток. Она в моем вкусе.

– Забирай... Она для тебя старовата.

И вдруг – вообще без причины, не считая того, что я как бы дурачился – мне захотелось соскочить с умывальника и схватить старика Стрэдлейтера полунельсоном. Это борцовский захват, если вы не знали, когда хватаешь другого за шею и душишь хоть до смерти, если хочешь. Так я и сделал. Наскочил на него как чертова пантера.

– Брось это, Холден, бога в душу! – сказал Стрэдлейтер. Ему не хотелось валять дурака. Он брился и все такое. – Чего ты хочешь от меня – чтобы я башку себе отрезал?

Но я его не отпустил. Я держал его хорошим таким полунельсоном.

– Высвободись из моей мертвой хватки, – сказал я.

– Господи *боже*.

Он положил бритву и резко вскинул руки и как бы разорвал мою хватку. Он очень сильный парень. Я очень слабый парень.

– Ну-ка, брось эту фигню, – сказал он. Он принялся бриться по-новой. Он всегда брился по два раза, чтобы быть неотразимым. Своей захезанной старой бритвой.

– С кем же ты пойдешь, если не с Фицджеральд? – спросил я его. Я снова присел на ближайший умывальник. – С этой крошкой Филлис Смит?

– Нет. Я собирался, но все пошло наперекосяк. Теперь я иду с соседкой девушки Бада Тоу... Эй, чуть не забыл. Она *тебя* знает.

– Кто меня знает? – спросил я.

– Моя пассия.

– Да? – сказал я. – Как ее звать?

Мне стало интересно.

– Пытаюсь вспомнить... Э-э. Джин Галлахер.

Ух, я чуть не *сдох* при этом.

– *Джейн* Галлахер, – сказал я. Я даже встал с умывальника, когда он это сказал. Я, блин, чуть не *сдох*. – Ты, блин, прав – я ее знаю. Она практически жила со мной в *соседнем* доме, позапрошлым летом. У нее был такой, блин, здоровый

доберман-пинчер. Так я с ней и познакомился. Ее пес повадился к нам...

– Ты мне застишь свет, Холден, бога в душу, – сказал Стрэдлейтер. – Тебе обязательно здесь торчать?

Ух, до чего же я разволновался. Правда.

– Где она? – спросил я его. – Я должен спуститься и познакомиться с ней или вроде того. Где она? Во “Флигеле”?

– Ага.

– Как она меня вспомнила? Она теперь ходит в Брин-мор? Она говорила, что может туда поступить. Или, говорила, может, в Шипли поступит. Я думал, она пошла в Шипли. Как она меня вспомнила?

Я разволновался. Правда.

– Я не знаю, бога в душу. Встань, а? Ты на моем полотенце, – сказал Стрэдлейтер. Я сидел на его дурацком полотенце.

– Джейн Галлахер, – сказал я. Я никак не мог успокоиться. – Пресвятые угодники.

Старик Стрэдлейтер накладывал на волосы “Виталис”.
Мой “Виталис”.

– Она танцовщица, – сказал я. – Балет и все такое. Она практиковалась часа два каждый день, прямо в самую жару и все такое. Она переживала, что у нее ноги испортятся – станут толстыми и все такое. Я с ней все время в шашки играл.

– Во что ты с ней все время играл?

– В шашки.

– *Шапки*, господи боже!

– Ага. Она не двигала свои дамки. Что она делала, когда получала дамку, она ее не двигала. Просто оставляла в заднем ряду. Выстраивала их всех в ряд. И больше не трогала. Ей просто нравилось, как они смотрятся, когда стоят все в заднем ряду.

Стрэдлейтер ничего не сказал. Подобные вещи мало кого интересуют.

– Ее мама входила в тот же гольф-клуб, что и мы, – сказал я. – Я как-то подносил ей клюшки, просто чтобы срубить капусту. Пару раз подносил клюшки ее маме. Она выбивала порядка ста семидесяти, на девяти лунках.

Стрэдлейтер едва слушал. Он расчесывал свои шикарные локоны.

– Мне надо бы спуститься к ней и хотя бы поздороваться, – сказал я.

– Ну и спустился бы.

– Сейчас, через минуту.

Он начал расчесывать волосы по новой. У него уходил где-то час, чтобы причесаться.

– Ее мать с отцом были в разводе. Ее мать снова вышла за какого-то ханыгу, – сказал я. – Костлявого типа с волосатыми ногами. Я его помню. Все время ходил в шортах. Джейн говорила, он вроде как драматург или еще какой-то такой хрен, но все, что я видел, это как он все время бухал и слушал каждую чертову детективную передачу на радио. И но-

сился по дому голым. При *Джейн*, и все такое.

– Да ну? – сказал Стрэдлейтер. Вот это его интересовало. О том, как ханыга носится голым по дому, при Джейн. Стрэдлейтер, как последняя скотина, был помешан на сексе.

– У нее было паршивое детство. Я не шучу.

Но это Стрэдлейтера не интересовало. Его только про секс интересовало.

– Джейн Галлахер. Господи, – она не шла у меня из головы. Правда. – Мне надо бы спуститься и поздороваться с ней, хотя бы.

– Так и *спустился* бы, вместо того, чтобы повторять это, – сказал Стрэдлейтер. Я подошел к окну, но сквозь него было не видно, до того запотело от жары в уборной.

– Я сейчас не в настроении, – сказал я. Так и было. Для таких вещей надо быть в настроении. – Я думал, она пошла в Шипли. Поклясться мог бы, что – в Шипли, – Я немного походил по уборной. Больше делать было нечего. – Ей понравился матч? – спросил я.

– Ага, наверно. Не знаю.

– Она тебе не говорила, что мы с ней все время в шашки играли или еще что-нибудь?

– Не знаю. Бога в душу, я с ней только познакомился, – сказал Стрэдлейтер. Он закончил расчесывать свою роскошную, блин, шевелюру. И убирал все свои захезанные туалетные принадлежности.

– Слушай. Передай ей привет от меня, хорошо?

– Окей, – сказал Стрэдлейтер, но я знал, что он вряд ли сделает это. Ребята вроде Стрэдлейтера никогда не передают от тебя приветов.

Он вернулся в комнату, но я еще задержался в уборной, думая о старушке Джейн. Затем тоже вернулся в комнату.

Стрэдлейтер повязывал галстук перед зеркалом, когда я вошел. Он проводил перед зеркалом половину своей чертовой жизни. Я сел в свое кресло и как бы смотрел на него какое-то время.

– Эй, – сказал я. – Не говори ей, что меня вытурили, хорошо?

– Окей.

Вот уж чем Стрэдлейтер был хорош. Ему не приходилось объяснять любую фигню, как – Экли. В основном, наверно, потому что ему было не слишком интересно. В этом все дело. Экли был другим. Экли во все, блин, влезал.

Он надел мой пиджак в гусиную лапку.

– Господи, постарайся только не растянуть его ко всем чертям, – сказал я. Я надевал его всего пару раз.

– Не растяну. Где, блин, мои сигареты?

– На твоём столе, – он никогда не помнил, где что оставил. – Под твоим шарфом.

Он положил их в карман куртки – *моей* куртки.

Я вдруг повернул козырек охотничьей кепки вперед, для разнообразия. Я вдруг занервничал. Я довольно нервный.

– Слушай, куда вы с ней поедете? – спросил я его. – Не

знаешь еще?

– Не знаю. В Нью-Йорк, если будет время. Она отпросилась только до девяти-тридцати, бога в душу.

Мне не понравилось, как он это сказал, поэтому я сказал:

– Почему она так сделала, это наверно потому, что просто не знала, какой ты красавец и неотразимый сукин сын. А если б *знала*, то наверно отпросилась бы до девяти-тридцати *утра*.

– Чертовски верно, – сказал Стрэдлейтер. Его ничем не проймешь. С его-то самодовольством. – Только кроме шуток. Напиши за меня это сочинение, – сказал он. Он надел куртку, и был готов идти. – Из кожи лезть не надо, просто сделай, нафиг, что-нибудь наглядное. Окей?

Я ему не ответил. Не хотелось отвечать. Я только сказал:

– Спроси ее, она все так же держит все свои дамки в заднем ряду?

– Окей, – сказал Стрэдлейтер, но я знал, что он ее не спросит. – Давай, не перестарайся, – и он выкатился к чертям из комнаты.

Я просидел еще примерно полчаса после того, как он ушел. То есть, я просто сидел в кресле, ничего не делая. Я все думал о Джейн, и о том, что Стрэдлейтер с ней на свидании, и все такое. Я так разнервничался, что чуть умом не тронулся. Я вам уже говорил, какой Стрэдлейтер сукин сын по части секса.

Вдруг снова ввалился Экли, как обычно, через чертовы

занавески. Впервые в моей дурацкой жизни я ему по-настоящему обрадовался. Он отвлек мои мысли от всякой фигни.

Он проторчал примерно до обеда, рассуждая обо всех ребятах в Пэнси, кого он люто ненавидел, и давя здоровый прыщ на подбородке. Он даже платком не пользовался. Я даже сомневаюсь, что у этого козла *имелся* платок, если уж по правде. Во всяком случае, я ни разу не видел, чтобы он им пользовался.

Субботними вечерами нас в Пэнси всегда кормили одинаково. Это считалось большим делом, потому что давали стейк. Готов поставить тысячу баксов, что это делалось потому, что родители многих ребят приезжали в школу в воскресенье, и старик Термер вероятно смекнул, что каждая мать спросит, что ел вчера на обед ее ненаглядный сыночек, и он скажет: «Бифштекс.» Какое надувательство. Видели бы вы эти бифштексы. Такие твердые, сухие кусочки, которые и нож почти не брал. К ним всегда давали такое комковатое пюре, а на десерт – Смуглую Бетти⁷, которую никто не ел, кроме, может, мелких из младшей школы, не знавших ничего лучше, и типов, вроде Экли, которые *все* слопают.

Зато, когда мы вышли из столовой, было здорово. Снега нападало дюйма на три, и он все падал, как сумасшедший. Было офигеть, как красиво, и мы все стали кидать снежки и повсюду валять дурака. Очень по-детски, но все откровенно веселились.

У меня ни с кем не было свидания или чего-то такого, так что мы с этим моим другом, Мэлом Броссардом, из борцовской команды, решили сгонять автобусом в Эгерстаун и съесть по гамбургеру и, может, посмотреть дурацкую кинош-

⁷ Англ. Brown Betty – яблочный пудинг с сухарями.

ку. Ни мне, ни ему не хотелось сидеть на жопе до самой ночи. Я спросил Мэла, не будет ли он против, если с нами пойдет Экли. Почему я спросил, это потому, что Экли никогда *ничем* не занимался субботними вечерами, кроме как давил прыщи у себя в комнате или вроде того. Мэл сказал, что *не против*, но не без ума от этой идеи. Он недолюбливал Экли. Короче, мы разошлись по комнатам, привести себя в порядок и все такое, и пока я натягивал галоши и прочую фигню, я проорал старику Экли, не хочет ли он пойти в кино. Он нормально меня слышал через душевую занавеску, но ответил не сразу. Он из тех ребят, которые терпеть не могут отвечать сразу. Наконец, он показался через чертовы занавески, и спросил, стоя на пороге душевой, кто еще со мной идет. Всегда ему надо было знать, кто идет. Ей-богу, если бы такой тип выжил после кораблекрушения, и ты бы, блин, приплыл спасать его на лодке, ему бы надо было знать прежде, чем залезть, кто там на веслах. Я сказал ему, что идет Мэл Броскард. Он сказал:

– *Этот* козел... Ну, ладно. Погоди секунду.

Можно подумать, сделал большое одолжение.

У него ушло часов пять на сборы. Пока он этим занимался, я подошел к своему окну, открыл его и слепил снежок голыми руками. Снег отлично лепился. Только я ни во что его не бросил. Хотя *собирался*. В машину, припаркованную через улицу. Но передумал. Машина была до того хорошая, белая. Затем я замахнулся на гидрант, но он тоже был слиш-

ком хорошим и белым. В итоге, я так и не бросил. Просто закрыл окно и ходил по комнате со снежком, утрамбовывая его. Через какое-то время, когда мы с Броссардом и Экли сели в автобус, снежок еще был у меня. Водитель автобуса открыл двери и сказал, чтобы я выбросил снежок. Я *сказал* ему, что не собираюсь ни в кого бросаться, но он мне не поверил. Люди никогда тебе не верят.

Броссард и Экли уже видели картину, которую крутили, так что все, что мы сделали, это съели по паре гамбургеров и поиграли немного в пинбол, а потом поехали автобусом обратно в Пэнси. Мне до кино все равно не было дела. Считалось, что это комедия, с Кэри Грантом и прочей фигней. К тому же, я уже ходил в кино с Броссардом и Экли. Они оба гоготали как гиены над любой несмешной ерундой. Не велико удовольствие сидеть с ними в кино.

В общагу мы вернулись где-то без четверти девять. Старик Броссард заядлый картежник и стал искать по всей общаге, с кем бы сыграть в бридж. Старик Экли завалился ко мне в комнату, просто для разнообразия. Только вместо того, чтобы сидеть на подлокотнике кресла Стрэдлейтера, он разлегся на моей кровати, лицом в подушку и все такое. И принялся бубнить таким монотонным голосом и ковырять все свои прыщи. Я наверно тысячу раз намекнул ему, но он не собирался уходить. Знай себе, бубнит этим жутко монотонным голосом, как он якобы имел половую связь с одной крошкой прошлым летом. Он уже раз сто мне об этом рас-

сказывал. И каждый раз по-разному. То он вставил ей в “бью-ике” своего кузена, то он вставил ей под каким-то променадом. Разумеется, все это было брехней. Он же вопиющий девственник. Сомневаюсь, что он хотя бы трогал кого-то. Короче, мне, в итоге, пришлось прямым текстом сказать ему, что мне нужно писать сочинение для Стрэдлейтера, и чтобы он к чертям выметался, а то я не сосредоточусь. В итоге, он вымелся, но далеко не сразу, как обычно. Когда он ушел, я надел пижаму и халат, и старую охотничью кепку, и принялся за это сочинение.

Да только мне никак не думалось ни о комнате, ни о доме, ни о чем таком, что бы можно было описать, как Стрэдлейтер сказал, что ему надо. Вообще, идея описывать комнаты или дома не внушает мне безумной радости. Поэтому я что сделал, я написал о перчатке ловца моего брата Элли. Это очень наглядный предмет. Правда. У брата Элли была такая бейсбольная перчатка полевого игрока на левую руку. Он был левшой. А что в ней такого наглядного, это то, что по всем пальцам и на кармашке и повсюду он исписал ее стихами. Зелеными чернилами. Он написал их, чтобы можно было что-то почитать, пока он стоял на поле, и никто не махал битой. Он уже умер. Заболел лейкемией и умер, когда мы жили в Мэне, 18 июля 1946 года⁸. Он бы вам понравился. Он был на два года моложе меня, но раз в пятьдесят умнее. Он был

⁸ Судя по романной хронологии, это произошло за четыре года до “настоящего времени”.

зверски умным. Его учителя вечно писали письма моей маме, как они довольны, что у них в классе такой мальчик, как Элли. И они не просто фуфло толкали. Они это всерьез. Но он не просто был самым умным в семье. Он был еще самым хорошим, во многом. Никогда ни на кого не злился. Считается, что рыжие запросто злятся, но только не Элли, хотя у него были очень рыжие волосы. Сейчас расскажу, до чего рыжие у него были волосы. Я начал играть в гольф, когда мне было всего десять. Помню как-то летом, когда мне было лет двенадцать, я отрабатываю удар и все такое, и нутром чую, что стоит мне внезапно обернуться, и я увижу Элли. Я так и сделал, и правда, он сидел на велике за забором – там был такой забор, шедший вокруг поля – и он сидел там, ярдах в ста пятидесяти позади меня, глядя, как я отрабатываю удар. Вот до чего рыжие у него были волосы. Боже, хорошим он был пацаном. Он так хохотал над какими-то своими мыслями за обеденным столом, что чуть со стула не падал. Мне было всего тринадцать, и мне хотели назначить психоанализ и все такое, потому что я перебил все окна в гараже. Я на предков не в обиде. Правда. Я спал в гараже в ту ночь, когда умер Элли, и перебил кулаком все чертовы окна, просто по приколу. Я даже пытался перебить все окна в фургоне, который был у нас тем летом, но я к тому времени уже сломал руку и все такое, и не смог. Очень по-дурацки, признаю, но я вообще едва соображал, что делаю, и вы не знали Элли. У меня до сих пор иногда рука побаливает, когда дождь и все

такое, и я больше не могу толком сжать кулак – то есть, чтобы крепкий, – но в остальном мне почти неважно. То есть, я же *все равно* не собираюсь быть к чертям хирургом или скрипачом или кем-нибудь еще.

Короче, об этом я и написал сочинение Стрэдлейтеру. О старой бейсбольной перчатке Элли. Она была у меня с собой, в чемодане, так что я достал ее и переписал с нее стихи. Все, что от меня требовалось, это заменить имя Элли, чтобы никто не догадался, что это мой брат, а не Стрэдлейтера. Не скажу, что я был без ума от этой идеи, но я не смог найти ничего более наглядного. К тому же, мне как бы понравилось писать об этом. Мне понадобилось около часа, потому что пришлось писать на паршивой машинке Стрэдлейтера, которая все время заедала. А почему я не мог сделать это на своей, потому что одолжил ее одному парню в конце коридора.

Было наверно где-то десять-тридцать, когда я закончил. Но я не устал, так что какое-то время стоял и смотрел в окно. Снег уже не падал, но периодически слышалось, как какая-то машина никак не заведется. И долетал храп старика Экли. Прямо через чертовы душевые занавески долетал. У него был гайморит, и он не мог нормально дышать во сне. У этого парня чего только не было. Гайморит, прыщи, паршивые зубы, вонь изо рта, захезанные ногти. Волей-неволей пожалеешь придурочного сукина сына.

Какие-то вещи я никак не вспомню. Я все думаю о том, как Стрэдлейтер вернулся со свидания с Джейн. То есть, я не помню, чем именно был занят, когда услышал, как его чертовы дурацкие шаги приближаются по коридору. Наверно я смотрел в окно, но ей-богу, не помню. Я чертовски разволновался, в этом дело. Когда я всерьез о чем-то волнуюсь, я уже не валяю дурака. Даже в туалет хочется, когда волнуюсь о чем-то. Только я не иду. Слишком волнуюсь. Не хочу перебивать волнение. Знали бы вы Стрэдлейтера, тоже волновались бы. Пару раз я ходил с этим козлом на двойные свидания, и знаю, о чем говорю. Он бессовестный. Правда.

Короче, коридор был весь в линолеуме и все такое, и слышно было, как его чертовы шаги приближаются. Я даже не помню, где сидел, когда он вошел – у окна, в своем кресле или в его. Ей-богу, не помню. Он вошел и стал ворчать, какой на улице холод. Затем сказал:

– Где, блин, все? Тут как в чертовом морге.

Я ему даже не ответил. Если он был настолько, блин, тупым, что не сознавал, что сейчас субботний вечер, и все ушли или спят или дома на выходных, я не собирался лезть из кожи вон, чтобы объяснять это ему. Он стал снимать одежду. И ни слова, блин, про Джейн. Ни словечка. И я молчал. Просто смотрел на него. Он только и сказал, что спасибо

за то, что я одолжил ему гусиную лапку. Повесил на плечики и убрал в шкаф.

Затем, когда он снимал галстук, он спросил меня, написал ли я за него чертовое сочинение. Я сказал ему, оно на его чертовой кровати. Он подошел и стал читать его, расстегивая рубашку. Он стоял там, читая его, и как бы поглаживал голую грудь и живот, с таким дико дурацким выражением лица. Он вечно поглаживал себе живот или грудь. Он был без ума от себя.

Вдруг он сказал:

– *Бога в душу*, Холден. Это же про чертову бейсбольную рукавицу.

– И что? – сказал я. Адски холодно.

– Что значит *и что*? Я же сказал, чтобы было про чертову комнату или дом или вроде того.

– Ты сказал, чтобы было наглядно. Какая к черту разница, если это про бейсбольную рукавицу?

– Черт возьми, – он адски разозлился. Рвал и метал. – Вечно ты все делаешь через жопу, – он посмотрел на меня. – Не удивительно, что тебя выперли к чертям отсюда, – сказал он. – Ты *ни единой вещи* не сделаешь, как положено. Я серьезно. Ни единой, блин, вещи.

– Ну, ладно, давай тогда сюда, – сказал я. Я подошел и выхватил листок из его поганой руки. И разорвал.

– Какого черта ты *это*? – сказал он.

Я ему даже не ответил. Просто выбросил клочки в корзи-

ну. Затем лег на кровать, и мы оба долго ничего не говорили. Он совсем разделся, до трусов, а я все лежал, а потом и закурил сигарету. В общежитии курить не разрешалось, но можно было ближе к ночи, когда все спят или в отпуске, и никто не учует дыма. К тому же, я хотел досадить Стрэдлейтеру. Он бесился, когда ты нарушал любые правила. Сам он в общежитии никогда не курил. А я – да.

Он так и не сказал ни слова о Джейн, ни единого словечка. Поэтому я, наконец, сказал:

– Ты вернулся чертовски поздно, если ее отпустили только до девяти-тридцати. Она не опоздала назад из-за тебя?

Он сидел на краю своей кровати, стриг свои поганые ногти, когда я спросил его.

– На пару минут, – сказал он. – Кто, блин, отпрашивается субботним вечером до девяти-тридцати?

Боже, как я его ненавидел.

– Вы ездили в Нью-Йорк? – сказал я.

– Спятил? Как бы мы нафиг съездили в Нью-Йорк, если она отпросилась только до девяти-тридцати?

– Незадача.

Он взглянул на меня.

– Слушай, – сказал он, – если собрался курить в комнате, как насчет пойти в уборную? *Ты* можешь к чертям выметаться отсюда, но мне надо торчать тут, пока не закончу.

Я на него ноль внимания. Правда. Лежал и курил как ненормальный. Все, что я сделал, это как бы повернулся на-

бок и стал смотреть, как от стрижет свои поганые ногти. Ну и школа. Вечно ты смотрел, как кто-нибудь стрижет свои поганые ногти или давит прыщи или еще что-нибудь.

– Ты передал ей привет от меня? – спросил я его.

– Ага.

Черта с два он передал, козел.

– И что она сказала? – сказал я. – Ты спросил ее, держит ли она всех своих дамочек все так же в заднем ряду?

– *Нет*, не спросил. Чем, по-твоему, мы весь вечер нафиг занимались – в шашки играли, бога в душу?

Я ему даже не ответил. Боже, как я его ненавидел.

– Если вы не ездили в Нью-Йорк, куда ж ты с ней ездил? – спросил я его чуть погодя. Я с трудом сдерживал голос, чтобы он не дрожал по всей комнате. Ух, как я нервничал. Просто было такое *чувство*, что какая-то фигня случилась.

Он закончил стричь свои поганые ногти. Встал, значит, с кровати, в одних, блин, трусах и все такое, и сделался таким, блин, игривым. Подошел к моей кровати, навис надо мной и стал так чертовски игриво колотить в плечо.

– Хорош, – сказал я. – Куда ты с ней ездил, если вы в Нью-Йорк не поехали?

– Никуда. Просто сидели в чертовой машине, – он послал мне в плечо очередную дурацкую игривую колотушку.

– *Хорош*, – сказал я. – В чьей машине?

– Эда Бэнки.

Эд Бэнки был баскетбольным тренером в Пэнси. Старик

Стрэдлейтер ходил у него в любимчиках, потому что играл центовым в команде, и Эд Бэнки всегда одалживал ему машину, когда было нужно. Брать машины преподав учащимся не разрешалось, но все козлы-спортсмены друг друга выручают. В каждой школе, куда я ходил, все козлы-спортсмены друг друга выручали.

Стрэдлейтер продолжал вести бой с тенью, обрабатывая мне плечо. В руке у него была зубная щетка, и он сунул ее в рот.

– Чем вы занимались? – сказал я. – Ты ей вставил в чертовой машине Эда Бэнки? – голос у меня ужас, как дрожал.

– Какие слова ты говоришь. Хочешь, чтобы я тебе рот с мылом вымыл?

– *Вставил?*

– Это профессиональная тайна, дружок.

Как дальше было, я уже не очень помню. Я только знаю, что встал с кровати, словно собрался в уборную или вроде того, а затем попытался вмазать ему, со всей силы, аккуратно по зубной щетке, чтобы она разорвала его поганую глотку. Но не попал. Не вышло, как хотел. Только задел как бы сбоку по голове или вроде того. Ему наверно было малость больно, но не настолько, как я хотел. Ему бы наверно было очень больно, но я ударил правой рукой, которой не могу сжать хороший кулак. Из-за травмы, о которой рассказывал.

Короче, дальше как было, я, блин, валялся на полу, а он сидел у меня на груди, с такой красной рожей. В смысле, по-

ставил мне на грудь свои поганые *колени*, а весил он около тонны. Запястья мои он тоже держал, так что я больше не мог ему вмазать. Убил бы его.

– Да что, блин, с тобой такое? – повторял он, и его дурацкая рожа все краснела и краснела.

– Убери свои паршивые *колени* у меня *с груди*, – сказал я ему. Почти завопил. Правда. – А ну *слезь* с меня, козел поганый.

Но он меня не слушал. Он все держал мои запястья, а я называл его сучьим сыном и все такое, часов десять наверно. Я даже почти не помню, что говорил ему. Сказал, что он думает, будто может вставить любой, какой захочет. Сказал, что ему все равно, держит ли девушка всех своих дамок в заднем ряду, а все потому, что он тупой, блин, кретин. Он ненавидел, когда его называли кретином. Все кретины ненавидят, когда их крестинами называют.

– А ну заткнись, Холден, – сказал он со своей большой дурацкой красной рожей, – просто заткнись.

– Ты даже не знаешь, зовут ее Джейн или *Джин*, кретин поганый!

– А ну *заткнись*, Холден, черт тебя дери – я тебя *предупреждаю*, – сказал он – я его действительно довел. – Если не заткнешься, я тебе врежу.

– Убери свои грязные вонючие кретинские колени у меня *с груди*.

– Если я тебя отпущу, ты заткнешься?

Я ему даже не ответил.

Он повторил.

– Холден. Если я тебя отпущу, ты заткнешься?

– Да.

Он слез с меня, и я тоже встал. Грудь адски болела от его грязных коленей.

– Грязный тупой кретинский сукин сын, – сказал я ему.

Тут он *всерьез* взбеленился. Стал махать своим здоровым дурацким пальцем мне в лицо.

– Холден, черт тебя дери, я тебя *предупреждаю*. Последний раз, имей в виду. Если не захлопнешь варежку, я тебе...

– И чего? – сказал я – я уже почти орал. – В этом беда с вами, кретинами. Вы никогда не хотите ничего обсуждать. Вот так всегда и видно кретина. Они никогда не хотят обсуждать ничего умно...

Тогда он действительно мне засветил, и следующее, что я помню, это что я снова, блин, на полу. Не помню, вырубил он меня или нет, но вряд ли. Вырубить кого-то не так-то легко, не то, что в чертовом кино. Но из носа у меня текла кровиха по всей комнате. Когда я поднял взгляд, старик Стрэдлейтер стоял практически на мне. Под мышкой он держал свой поганый туалетный набор.

– Какого черта ты не заткнешься, когда я тебе *говорю*? – сказал он. Голос у него был довольно нервный. Наверно испугался, что я сломал череп или вроде того, когда упал на пол. Очень жаль, но нет. – Сам напросился, черт возьми, –

сказал он. Ух, как же он встревожился.

А я лежу и не думаю вставать. Я просто лежал на полу какое-то время и называл его кретинским сукиным сыном. Я прямо обезумел и почти вопил.

– Слушай. Иди вымой лицо, – сказал Стрэдлейтер. – Слышал меня?

Я сказал, чтобы он сам вымыл свое кретинское лицо – довольно по-детски, но я дико озверел. Я сказал ему задержаться по пути в уборную и вставить миссис Шмидт. Миссис Шмидт – это жена вахтера. Ей было лет шестьдесят пять.

Я так и сидел на полу, пока не услышал, как старик Стрэдлейтер закрыл дверь и пошел по коридору в уборную. Затем я встал. Я нигде не мог найти своей чертовой охотничьей кепки. Наконец, нашел. Она была под кроватью. Надел ее и повернул старый козырек назад, как мне нравилось, а затем пошел и взглянул на свою дурацкую рожу в зеркале. Вы в жизни такой кровищи не видели. Весь рот был залит и подбородок, и даже по пижаме и халату. Это отчасти меня испугало, отчасти заворозило. Вся эта кровища и все такое придавала мне как бы крутой такой вид. Я за всю жизнь дрался раза два, и проиграл *оба* раза. Я не слишком крутой. Я пацифист, если хотите знать.

У меня было такое ощущение, что старик Экли наверно слышал весь этот галдеж и проснулся. Так что я прошел через душевые занавески к нему в комнату, просто посмотреть, что он там нафиг делает. Я почти ни разу не был в его комна-

те. Там всегда так стремно пахло, потому что он такой неряха в личном плане.

Из нашей комнаты просачивался свет и все такое через душевые занавески, и я видел, что Экли лежит на кровати. Я прекрасно понимал, что он нефига не спит.

– Экли, – сказал я, – ты не спишь?

– Неа.

Было довольно темно, и я наступил на чью-то туфлю и чуть не грохнулся нафиг башкой об пол. Экли как бы сел на кровати и оперся на руку. У него все лицо было в белой мази, от прыщей. В темноте он смотрелся как бы стремно.

– Какого черта ты вообще делаешь? – сказал я.

– Шо значит, какого черта я делаю? Я пытался *спать*, пока вы там не начали шуметь. Из-за чего вы, блин, вообще ругались?

– Где свет? – я не мог найти свет. Шарил рукой по всей стене.

– Зачем тебе свет?.. Прямо у твоей руки.

Наконец, я нашел выключатель и повернул. Старик Экли поднял руку, чтобы свет не резал глаза.

– *Господи!* – сказал он. – Какого черта с тобой *случилось?*

Он имел в виду всю эту кровь и все такое.

– Вышла небольшая нафиг стычка со Стрэдлейтером, – сказал я. Затем сел на пол. У них в комнате никогда не было стульев. Не знаю, какого черта они делали со своими стулья-

ми. – Слушай, – сказал я, – не желаешь перекинуться раз-другой в канасту?

Он был помешан на канасте.

– У тебя еще *кровь идет*, бога в душу. Ты бы наложил чего-нибудь.

– Перестанет. Слушай. Хочешь раз-другой перекинуться в канасту или нет?

– *В канасту*, бога в душу. Ты случайно не знаешь, сколько времени?

– Еще не поздно. Сейчас только где-то одиннадцать, одиннадцать-тридцать.

– *Только* где-то! – сказал Экли. – Слушай. Мне надо встать и идти утром на *мессу*, бога в душу. Вы ребята начинаете орать и драться среди нафиг... Из-за чего вы, блин, вообще подрались?

– Это долгая история. Не хочу докучать тебе, Экли. Я думаю о твоём благополучии, – сказал я ему. Я никогда не обсуждал с ним мою личную жизнь. Начать с того, что он был еще тупее Стрэдлейтера. Стрэдлейтер был, блин, гением рядом с Экли. – Эй, – сказал я, – я посплю сегодня на кровати Эли, okay? Он ведь не вернется до завтрашнего вечера, да?

Я был, блин, в этом уверен. Эли ездил домой почти каждые, блин, выходные.

– Я не знаю, когда он нафиг вернется, – сказал Экли. Ух, как он меня раздражал.

– Что, блин, значит, ты не знаешь, когда он вернется? Он

никогда не возвращается до воскресного *вечера*, так?

– Так, но бога в душу, я не могу просто сказать кому-то, что он может спать на его чертовой *кровати*, если ему так охота.

Сдохнуть можно. Я потянулся с того места, где сидел на полу, и похлопал его нафиг по плечу.

– Ты принц, Экли-детка, – сказал я. – Ты это знаешь?

– Нет, я серьезно – я не могу просто сказать кому-то, что он может спать на...

– Ты настоящий принц. Ты джентльмен и богослов, детка, – сказал я. И это правда. – У тебя случаем нет никаких сигарет? Скажи “нет”, и я сдохну.

– Нет, между прочим, у меня нет. Слушай, из-за чего вы, блин, подрались?

Я ему не ответил. Что я сделал, я встал, подошел к окну и посмотрел на улицу. Мне вдруг стало до того одиноко. Я почти пожалел, что не сдох.

– Из-за чего вы вообще, блин, дрались? – сказал Экли, раз в пятидесятый. Вот уж зануда.

– Из-за тебя, – сказал я.

– Из-за *меня*, бога в душу?

– Ага. Я защищал твою чертову честь. Стрэдлейтер сказал, у тебя дерьмовый характер. Я не мог спустить ему такое. Тут он разволновался.

– Он так сказал? Серьезно? Так и сказал?

Я сказал ему, что просто шучу, а затем подошел к кровати

Эли и прилег. Ух, как паршиво мне было. До того одиноко.

— Эта комната воняет, — сказал я. — Я отсюда чую твои носки. Ты никогда их в стирку не отдаешь?

— Если тебе не нравится, ты знаешь, что делать, — сказал Экли. Такой остроумный. — Как насчет выключить чертов свет?

Но я не спешил выключать его. Я просто лежал на кровати Эли, думая о Джейн и все такое. Меня просто дикое бешенство брало, когда я думал о ней и Стрэдлейтере, как они сидят где-нибудь в машине этого толстожопого Эда Бэнки. Каждый раз, как я думал об этом, хотелось из окна выпрыгнуть. Дело в том, что вы не знаете Стрэдлейтера. А я знаю. Большинство ребят в Пэнси просто *треплются* все время о своих половых похождениях с девушками — как тот же Экли, — но старик Стрэдлейтер на самом деле делал это. Я лично знал как минимум двух девушек, которым он вставлял. Вот так-то.

— Расскажи мне историю своей восхитительной жизни, Экли-детка, — сказал я.

— Как насчет выключить чертов свет? Мне утром на мессу вставать.

Я встал и выключил его, если ему так хотелось. Затем снова лег на кровать Эли.

— Ты чего надумал — спать на кровати Эли? — сказал Экли. Ух, само радушие.

— Может, да. Может, нет. Ты об этом не волнуйся.

– Я об этом не волнуюсь. Только ужасно не хочется, чтобы Эли вдруг вернулся и увидел какого-то типа...

– Расслабься. Не собираюсь я тут спать. Я бы не воспользовался твоим чертовым радушием.

Уже через пару минут он храпел как бешеный. Но я все равно продолжал лежать там в темноте, стараясь не думать о старушке Джейн и Стрэдлейтере в этой чертовой машине Эда Бэнки. Но это было почти невозможно. Беда в том, что я знаю, какая техника у этого Стрэдлейтера. От этого все даже хуже. Как-то раз мы с ним пошли на двойное свидание, в машине Эда Бэнки, и Стрэдлейтер со своей девушкой сидел сзади, а я со своей – впереди. Что за техника была у этого парня. Что он делал, это начинал умасливать свою девушку таким очень тихим, *искренним* голосом – так, словно он был не просто парнем-хоть-куда, а еще добрым и искренним парнем. Я, блин, чуть не блеванул, слушая его. А его девушка все говорила: «Нет... *пожалуйста*. Пожалуйста, не надо. *Пожалуйста*.» Но старик Стрэдлейтер продолжал ее умасливать этим искренним голосом Авраама Линкольна, и наконец на заднем сиденье настала такая зверская тишина. На самом деле было неловко. Не думаю, что он в тот раз вставил той девушке... но почти, блин. *Почти*, блин.

Пока я там лежал, стараясь не думать, я услышал, как в нашу комнату вернулся старик Стрэдлейтер из уборной. Слышно было, как он убирает свои захезанные туалетные принадлежности и все такое, и открывает окно. Он был по-

мешан на свежем воздухе. Затем, чуть погодя, он выключил свет. Он даже не стал смотреть, куда я девался. Даже на улице была тоска. Не слышно даже было ни одной машины. Я почувствовал себя так одиноко и паршиво, что даже захотелось Экли разбудить.

– Эй, Экли, – сказал я, точнее, прошептал, чтобы Стрэд-лейтер не услышал через душевую занавеску.

Но Экли меня не услышал.

– Эй, Экли!

Все равно не услышал. Он спал как бревно:

– Эй, *Экли*!

Услышал, порядок.

– Какого фига тебе надо? – сказал он. – Я уже спал, бога в душу.

– Слушай. С чего начинается вступление в монастырь? – спросил я его. Я как бы прикидывал, вступить-не вступить в монастырь. – Нужно быть католиком и все такое?

– *Разумеется*, нужно быть католиком. Козел, ты разбудил меня только затем, чтобы спросить тупой воп...

– А-а, спи дальше. Не собираюсь я вступать в монастырь. При моей везучести я бы наверно вступил в такой, где все монахи с приветом. Сплошь козлы тупые. Или просто козлы.

Когда я это сказал, старик Экли сел, блин, на кровати.

– Слушай, – сказал он, – мне все равно, что ты скажешь обо *мне* или еще о чем, но если ты будешь ерничать о моей нафиг *религии*, бога в душу...

– Расслабься, – сказал я. – Никто не ерничает о твоей нафиг религии, – я встал с кровати Эли и направился к двери. Расхотелось торчать дальше в такой дурацкой атмосфере. Но по пути остановился, взял Экли за руку и пожал с таким туфтовым видом. Он отдернул руку.

– Это что еще значит? – сказал он.

– Ничего. Просто хочу выразить благодарность за то, что ты такой нафиг принц, вот и все, – сказал я. Я это сказал таким очень искренним голосом. – Ты просто козырь, Экли-детка, – сказал я. – Ты это знаешь?

– Очень остроумно. Когда-нибудь кто-нибудь проломит тебе...

Я даже не стал дослушивать. Я вышел в коридор и захлопнул нафиг дверь.

Все спали или отсутствовали или уехали домой на выходные, и в коридоре было очень тихо, гнетуще-тихо. Возле двери Лихи и Хоффмана валялась пустая коробка от зубной пасты «Колинос», и пока я шел к лестнице, я пинал ее концом этого тапка на овечьей подкладке. Что я думал сделать, я думал спуститься и глянуть, как там Мэл Броссард. Но вдруг передумал. Я вдруг решил, что сейчас сделаю – свалю к чертям из Пэнси, прямо на ночь глядя и все такое. То есть не буду ждать среды или чего-нибудь еще. Просто расхотелось торчать там дальше. До того мне было тоскливо и одиноко. Значит, что я решил сделать, я решил снять номер в отеле в Нью-Йорке – в каком-нибудь совсем недорогом отеле и все

такое – и просто не напрягаться до среды. А потом, в среду, приехать домой полностью отдохнувшим и с классным самочувствием. Я прикинул, что родители вряд ли получают раньше вторника-среды письмо старика Термера о том, что меня исключили. Не хотелось возвращаться домой или вроде того, пока они все хорошенько не переварят и все такое. Не хотелось быть рядом, когда они *получат* письмо. Моя мама сразу станет истерить. Но, когда она все хорошенько переварит, она вполне ничего. К тому же, мне нужен был как бы маленький отпуск. Нервы были на пределе. Правда.

Короче, я решил так сделать. Значит, я вернулся в свою комнату и включил свет, чтобы собраться и все такое. Я уже до этого собрал немало вещей. Старик Стрэдлейтер даже не проснулся. Я закурил и весь оделся, а потом упаковал эти мои два саквояжа Глэдстоун. Я уложился минуты в две. Я очень быстро собираюсь.

Кое-что в сборах слегка огорчило меня. Пришлось упаковать эти новенькие коньки, которые мама прислала мне практически за пару дней до того. Это меня огорчило. Я так и видел, как мама идет в магазин и задает продавцу миллион несусветных вопросов – и вот, пожалуйста, я снова добился того, что меня исключили. От этого мне стало совсем грустно. Она купила мне не те коньки – я хотел беговые, а она купила хоккейные, но все равно было грустно. Почти каждый раз, как мне дарят подарок, мне в итоге становится грустно.

Когда я весь собрался, я как бы пересчитал капусту. Не

помню, сколько именно у меня было, но вполне прилично. Бабушка как раз прислала накануне пачку. У меня такая бабушка, которая не ведет счет деньгам. У нее уже шарики за ролики заехали – она старая как черт знает, кто – и она присылает мне деньги на день рождения раза четыре в году. Короче, хоть у меня с собой было прилично, я прикинул, что еще несколько баксов мне не помешают. Мало ли что. Значит, что я сделал, я прошел по коридору и разбудил Фредерика Вудраффа, того самого, кому машинку одолжил. Я спросил его, сколько он даст за нее. Он был довольно богатым. Он сказал, что не знает. Сказал, что не слишком хочет покупать ее. Но, в итоге, купил. Она стоила баксов девяноста, а он купил всего за двадцатку. Он злился, что я разбудил его.

Когда я совсем был готов идти, когда взял сумки и все такое, я остановился ненадолго перед лестницей и последний раз окинул взглядом чертов коридор. Я вроде как заплакал. Не знаю, почему. Я надел красную охотничью кепку и развернул козырек назад, как мне нравилось, а затем проорал во всю глотку:

– Спите крепко, кретины!

Спорить готов, я разбудил каждого козла на этаже. Затем я свалил оттуда к чертям. Какой-то придурок разбросал по всей лестнице арахисовой скорлупы, и я чуть нафиг не свернул себе шею.

Было слишком поздно, чтобы вызывать кэб или что-то такое, так что я дошел до станции пешком. Там не слишком далеко, но было адски холодно, и снег мешал идти, а мои Глэдстоуны так и били меня нафиг по ногам. Зато я как бы наслаждался воздухом и все такое. Одно было плохо – от холода нос болел и еще под верхней губой, куда мне засветил старик Стрэдлейтер. Он разбил мне губу о зубы, и она неслабо саднила. Зато ушам в тепле было хорошо. У этой кепки, что я купил, откладывались уши, и я их отложил – мне было до фени, как я выгляжу. Все равно никто не увидит. Все давно кемарили.

Мне повезло, когда я пришел на станцию, потому что ждать поезда нужно было минут десять. Пока я ждал, я набрал снега в руку и вымыл лицо. Крови на нем еще прилично оставалось.

Обычно мне нравится ездить поездом, особенно ближе к ночи, когда свет горит, и окна такие черные, а по проходу идет один из этих ребят, продает кофе, сэндвичи и журналы. Обычно я покупаю сэндвич с ветчиной и штуки четыре журналов. Если я в ночном поезде, я обычно могу даже читать что-нибудь из этих тупых рассказов, и меня даже блевать не тянет. Ну, знаете. Из этих рассказов, где сплошная туфта, ребята с массивными подбородками по имени Дэвид и масса

туфтовых девиц по имени Линда или Марсия, которые вечно зажигают всем этим Дэвидам их чертовы трубки. Обычно в ночном поезде я даже такой фуфлыжный рассказ могу читать. Но на этот раз не стал. Просто не испытывал желания. Я просто как бы сидел и ничего не делал. Все, что я сделал, это снял охотничью кепку и убрал в карман.

Вдруг в Трентоне вошла эта леди и села рядом со мной. Весь вагон практически пустой, потому что довольно поздно и все такое, но она села рядом со мной, а не на пустое сиденье, потому что у нее была такая здоровая сумка, а я сидел на переднем сиденье. Она выставила сумку прямо посреди прохода, так что кондуктор или кто угодно мог навернуться через нее. На ней были эти орхидеи, словно она только что с большой вечеринки или вроде того. Лет ей было, пожалуй, сорок, сорок пять, но выглядела она очень хорошо. Я балдею от женщин. Правда. Не в смысле, что я сексуально озабоченный, хотя про секс частенько думаю. Просто они нравятся мне – в этом смысле. Вечно они ставят нафиг свои сумки посреди прохода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.